

Развитие архитектуры модернизма и постмодернизма рассмотрены на примере стиля брутализм как колебательный процесс между стремлением к суровой правдивости и преобладанием декоративности. Рассмотрены метаморфозы стиля брутализм в зависимости от места и времени реализации. Показано, что при всех вариациях стиль брутализм сохраняет свою опору на архетип Героя, который противопоставит архетипу Трикстера, опорному для постмодернизма. Требование суровой правдивости входит как одно из базовых атрибутов архетипа Героя.

Ключевые слова: архитектура; брутализм; метаморфозы; архетип; Герой; Трикстер. /

The development of architecture of modernism and postmodernism is considered on the example of brutalism style as an oscillating process between the aspiration to severe truthfulness and the predominance of decorativeness. Metamorphoses of Brutalism style depending on the place and time of realisation are considered. It is shown that in all variations the Brutalism style retains its reliance on the archetype of the Hero, which opposes the archetype of the Trickster, a reference for postmodernism. The requirement of severe truthfulness enters as one of the basic attributes of the Hero archetype.

Keywords: archetype; architecture; brutalism; Hero; metamorphosis; Trickster.

Архитектура как процесс. Метаморфозы стиля во времени и пространстве / Architecture as a process. Metamorphoses of style in the time and space

текст
Константин Лидин
Федерация «Союз соотечественников»
(Болгария)

text
Konstantin Lidin
Federation of Fellow Citizens (Bulgaria)

*Я не знаю, как остальные,
но я чувствую жесточайшую
не по прошлому ностальгию –
ностальгию по настоящему.*

А. Вознесенский

Введение

В 1974 году поэт Андрей Вознесенский опубликовал программное произведение, «Ностальгия по настоящему» [1]. Стихотворение приобрело широкую популярность, было положено на музыку и многими воспринималось как своеобразное кредо знаменитого поэта. Но лишь гораздо позже стало понятно, что в этих строчках выразился конец шестидесятилетия с его молодежным максимализмом, принципиальностью и бескомпромиссным стремлением к правде. Наступала эпоха постмодернизма – лукавого, обманчивого и ироничного.

В архитектуре, однако, смена направлений выглядела не так однозначно. Стиль, в котором идеи международного движения шестидесятников выразились наиболее полно, не угас в эпоху «заморозков после оттепели», но продолжал развиваться, распространяться и испытывать удивительные метаморфозы. Первоначально этот стиль получил название «необрутализм», но позже приставка «нео» как-то забылась. Сегодня брутализм воспринимается как одно из направлений модернизма, которое каким-то образом сохранило ощущение современного, живого и актуального явления.

1. Правда, только правда и ничего, кроме правды

Как известно, слово «брутализм» восходит к латинскому языку и часто сопоставляется с именем Марка Юния Брута, одного из соратников, а позже убийц Юлия Цезаря. Смысл этого слова сегодня выглядит не слишком позитивно: согласно словарю Ожегова, «брутальный» означает «суровый, грубый, жестокий». Отсюда вполне логичный вопрос: каким римским родителям могла прийти в голову мысль назвать сына грубым и жестоким? Но для римлян первого века до нашей эры суровая грубость была неотделимым атрибутом правдивости. Утонченная деликатность, напротив, считалась признаком лукавства и даже лживости; обилие формул вежливого обращения римляне считали чертой «варварских» народов Востока.

Позже, в эпоху Просвещения брутальность стала восприниматься как важная черта «благородного дикаря». Этот образ человека, не испорченного развратной цивилизацией, прошел длинный путь в человеческой культуре – от Энкиду из «Гильгамеша» до Маугли и синих трехметровых туземцев из франшизы «Аватар». Европейская культура восемнадцатого века, одна из самых утонченных и изящных в европейской истории, романтизировала «bon sauvage» в романах Руссо, Вольтера и Шатобриана, а позже – Жюль Верна, Тургенева и Марлинского.

В сфере изобразительного искусства прелесть примитива была осознана позже, когда наравне с мастерами живописи стали цениться полотна «таможенника» Руссо, Нико Пиросманашвили, «бабушки Мозес», Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой.

Наконец, «ар брью», «грубое искусство» пришло в архитектуру. Это явление обычно связывают с именем Ле Корбюзье, открывшего миру красоту ничем не прикрытой поверхности бетона. Зачастую само слово «брутализм» производят от французского «béton brut» – необработанный бетон. Железобетон воспринимался модернистами в качестве «универсального материала будущего», его шершавые плоскости олицетворяли для них суровую правду наступающего царства разума, лишённого глупой сентиментальности.

Может быть, по этой причине брутализм так любят фотографы – специалисты по съемке архитектурных объектов? Самое документальное из изобразительных искусств, фотография естественно тяготеет к правдивому и неприукрашенному языку брутализма.

2. Колебательный процесс – между брутальным и декоративным

Вышедшая в 1966 году книга Рейнера Бэнэма «Новый брутализм. Этика или эстетика?» (The New Brutalism: Ethic or Aesthetic?) уже открыто декларировала связь брутализма с определенной системой ценностей (этикой), в которой правда занимает главенствующее место [2]. Бэнэмом вывел происхождение брутализма из протеста молодых британских архитекторов против самодовольства и напыщенности позднего корбюзизма. Но вскоре выяснилось, что стилиобразующие признаки

^ Рис. 1. Здание Мёузебункер, Берлин. Фото Х. П. Альберт (Тагесшпигель) / Figure 1: The Mausebunker building, Berlin. Photograph by H.P. Albert (Tagesspiegel).

брутализма – избегание декоративности, эстетика неприкрытого материала, сосредоточенность на выразительной тектонике объемов и плоскостей, создающей мощный драйв – все это в полном комплекте практически одновременно возникает в работах самых разных архитекторов по всему миру.

Сегодня, оглядываясь на пятьдесят лет развития брутализма, ясно видно, что объяснить его рождение и глобальную распространенность за счет личных разборок между корбузианцами и членами СИАМ никак невозможно. Если же взглянуть на то, что происходило в европейской культуре за пятьдесят лет до рождения «нового брутализма» (то есть сто лет назад), мы увидим, как Маяковский призывает: «Воспаленной губой / Припади и попей / Из реки по имени “факт”» (поэма «Хорошо!», 1927). Двадцатые годы прошлого, XX века, – эпоха мощного драйва конструктивистов и рождения первых, самых искренних и суровых вариантов модернизма. Корни «брутализма начала XX века» легко проследить даже еще раньше как реакцию на излишества модерна с его безграничной декоративностью. С этой точки зрения брутализм явился как наиболее полное и последовательное воплощение бунта против венского сецессиона, провозглашенного Адольфом Лоосом: любое украшение здания является преступлением против правды. Возникает впечатление какого-то циклического процесса, в котором каждые полвека архитектура возвращается к идеалам правды во всей ее жесткой и неприкрытой наготе. Затем брутальность постепенно смягчается, ее голая мускулатура стыдливо прикрывается сперва листиками, затем все более плотными покрывалами и, наконец, обрастает бантиками и рюшечками – чтобы снова подвергнуться жестокому обнажению в следующем цикле. Но и в период увлечения декоративностью брутализм как этико-эстетический принцип не исчезает. Лишившись статуса модного течения, он «уходит вглубь», оставаясь в работах отдельных мастеров и существуя в тени разукрашенного мэйнстрима [3].

3. Такой многообразный брутализм

Возвращаясь снова и снова, брутализм каждый раз испытывает разнообразные метаморфозы под действием

тех особенностей времени пространства, с которыми встречается в каждом конкретном случае. Гений места в кооперации с историческим и культурным контекстом создают множество вариаций на тему брутализма.

Брутализм середины XX века дает интереснейшие примеры такого метаморфозизма. На немецкой почве возникают мрачные и даже угрожающие образцы: например, знаменитое здание Мёузебункера на канале Тельтов в Лихтерфельде, Берлин (архитекторы Герд и Магдалена Ханска, построено в 1971). Его общая форма усеченной пирамиды и торчащие во все стороны трубы создают яркий образ крепости, готовой к отражению штурма неведомых врагов. Образ этого «дредноута» длиной 117 метров в полной мере соответствует его назначению как лаборатории, где проводились испытания на животных. «Зеленая» волна в общественном мнении чуть не привела к сносу здания в 2010 году, но сейчас здание все-таки получило статус памятника архитектуры (рис. 1) [4].

В апреле 2023 года вышел фотоальбом «Бруталистский Париж» [5]. Альбом демонстрирует некоторые из самых известных штаб-квартир брутализма, такие как Конференц-зал ЮНЕСКО (1958), спроектированный Марселем Брейером, Пьером Луиджи Нерви и Бернаром Церфуссом и главный офис Коммунистической партии (Оскар Нимейер, Поль Чеметов, Жан Дерош и Жан Пруве, 1980). В книгу включены известные жилищные проекты, такие как Сите Рато (Жан Реноди, 1984) и Сите де ла Маладрери (1986). В коллекции представлены объекты для спорта и отдыха: Гимназия Жюля Ла Думега (Жан Пекку, 1972), а также архитектурные проекты, тесно связанные с ландшафтом, такие как Межобщинное кладбище Робера Озеля и Ивана Янковича (1956). В этом же альбоме показан редкий пример «женского брутализма» – проект перестройки парижского пригорода Иври-сюр-Сен архитектора Рене Гайусте в начале семидесятых годов.

Из альбома ясно видны характерные черты французского брутализма – изящного, разнообразного и жизне-радостного, если можно применить эти слова к брутализму (рис. 2).

Еще более явно скульптурные возможности брутализма видны на примерах метаморфозы, которые стиль претерпел на почве Италии. Множество впечатляющих

< Рис. 2. Les Etoiles в Иври-сюр-Сен. Архитектор Рене Гайусте. Фото Найджел Грин / Figure 2. Les Etoiles in Ivry-sur-Seine. Architect Ren Gauste, photograph by Nigel Green

проектов показано в фотоальбоме «Бруталистская Италия. Бетонная архитектура от Альп до Средиземного моря» [6]. На примерах из альбома видно, какое сильное влияние испытал итальянский брутализм со стороны футуристических открытий предыдущего «цикла поисков правды» в начале XX века. Так, Серджио Мусмечи (Musmeci) проектировал в конце шестидесятых, задолго до появления компьютерных методов моделирования сложных оболочек. Он искал форму тонкостенных бетонных мембран при помощи раствора мыла с глицерином и проволочных каркасов, использовал микробетон для опытных моделей и так далее. Нижняя, опорная часть наиболее известной его постройки – моста Мусмечи – создана с использованием единой железобетонной мембраны толщиной примерно 40 сантиметров, которая синклостически изгибается в обоих направлениях, поддерживая верхнюю часть моста на причудливых пальцеобразных конструкциях и создавая непрерывную волнистую дорожку (рис. 3). Сегодня подобные проекты демонстрируются в качестве примеров небывалых возможностей параметрического метода и искусственного интеллекта, хотя им обычно далеко до выразительности и изящества итальянского брутализма полувековой давности.

Японский вариант брутализма широко известен под названием метаболизма. Гораздо менее знаменит корейский брутализм, хотя именно он является интереснейшим примером метаморфозы стиля под действием корейских архитектурных традиций. В 2019 году лондонская компания Blue Crow Media выпустила «Бетонную карту Сеула», на которой отмечены пятьдесят наиболее значительных объектов корейского брутализма. Среди авторов – Ким Чон-ап, Сву-Гын Ким, MVRDV, Стивен Холл, Заха Хадид, Сае-Мин О, Хи-Су Квак и многие другие. Первые объекты были построены в конце шестидесятых годов, а самые новые – в наши дни. Профессор Хён Соб Ким пишет во введении к карте: «С самого начала корейские архитекторы исследовали выразительные качества бетона в архитектуре, с другими материалами или без них. Если Ким Чон-ап, который был учеником в офисе Ле Корбюзье в Париже, продемонстрировал романтическую пластичность бетона во французском

посольстве в Сеуле (1962) (рис. 4), то «Севунсанга» Сву-Гына Кима (1967–1970) раскрыла силу бетонной мегаструктуры. Современная архитектура в Сеуле развивается более богатые и чувствительные словари бетона: такие как объединение структуры и выразительности зданий с деликатной обработкой бетона; бруталистический подход к материалу по этическим или эстетическим соображениям; и новые системы заводского изготовления с использованием бетонных панелей сверхвысоких характеристик» [7].

Существует множество разновидностей брутализма – европейского, азиатского, северо- и южноамериканского... Издательская группа Зупаграфика из Познани (Польша) уже издала несколько альбомов, посвященных метаморфозам брутализма в разных регионах – в Британии, в Гонконге, Польше и так далее. Основной интерес издательство проявляет к наследию брутализма в городах стран бывшего СССР («восточный блок»). Есть даже альбом, специально посвященный сибирским городам [8]. К сожалению, стилистика альбома не избежала идеологического влияния: Сибирь в альбоме выглядит безлюдной заснеженной пустыней, где всегда зима, а сибирский брутализм показан как ряд громоздких, изъеденных временем руин. Разумеется, это слишком узкий взгляд. Метаморфозы брутализма на сибирской земле удивительно разнообразны и содержательны, и наш журнал неоднократно публиковал материалы по иркутскому (сибирскому) брутализму с его уникальными особенностями.

Заключение

Автобиографическая книга Андрея Вознесенского носит то же название, что и стихотворение, вынесенное в начало этой статьи – «Ностальгия по настоящему». Поэт так пишет о своей первой профессии (которая, как первая любовь, не забывается): «Мужественная муза архитектуры полна ионического лиризма, она не терпит бесхребетности, аморфного графоманства и болтовни, цели ее честны, пропорции ее человечны, она создает вещь одновременно для повседневного быта и для Вечности.

Архитектура для меня не профессия, а способ мышления – художественный и конструктивный.

^ Рис. 3. Промышленный виадук-мост Мусмечи, Потенца. Архитектор Серджио Мусмечи. 1967–1976. Фото Стефано Перего / Figure 3. Musmechi industrial viaduct-bridge, Potenza. Sergio Musmeci (1967-1976). . Photograph by Stefano Perego

^ Рис. 4. Ким Чон-ап. Французское посольство в Сеуле. 1962. Фото SATHY+Mass Studies / Figure 4. Kim Jong-ap. French Embassy in Seoul, 1962 Photo by SATHY+Mass Studies

Начиная с Горация, поэты уподобляли себя зодчим. Оды Державина подобны гулким анфиладам барокко. Фет построил себе ампириную усадьбу. Маяковский был планировщиком площадей и автострад» [9, с. 198].

Как и поэзия, живопись, музыка и все другие способы творческого самовыражения, архитектура архетипична. Древние, вечные и общечеловеческие образы залегают в основе любого стиля и проступают сквозь сегодняшнее, несмотря на все метаморфозы. Ехидные гримасы постмодернизма опираются на классический архетип Трикстера – плута, ловкача, насмешника и скомороха. Его шутовская, бесовская натура – это набор масок, под которыми нет лица, это симулякр, порождающий лишь череду карикатур на своих предшественников.

Брутализм в основе своей опирается на архетип Героя и философию стоицизма. Вслед за императором Марком Аврелием по прозвищу Правдивейший (Вериссимон), брутализм следует лозунгу «Делай, что должен, и будь, что будет». Самые пафосные разновидности брутализма претендуют на перестройку всего мира, построение светлого будущего для человечества и так далее. На другом полюсе – просто честная работа с материалом, наработка способов выразить естественную красоту бетона, камня, дерева. Метаморфозы брутализма в разных странах и временах только ярче проявляют эту его сущность – поиски настоящего.

Литература

1. Вознесенский, А. Ностальгия по настоящему // в кн. : Советская поэзия в 2-х тт. / редакторы А. Краковская, Ю. Розенблюм. – Москва : Художественная литература, 1977. – С. 64–66. – Библиотека всемирной литературы : Серия третья.
2. Бэнем, Р. Новый брутализм: этика или эстетика? – Москва : Стройиздат, 1973. – 199 с.
3. Лидин, К. Школа как нарратив // Проект Байкал. – 2020. – № 17 (64). – С. 105–108. – DOI: 10.7480/projectbaikal.64.1643
4. Albert H. P. Studie zu Berliner Brutalismus-Bau: Der „Mäusebunker“ hat Marken-Potenzial / Der Tagesspiegel, 30.06.2023, 15:48 Uhr. https://www.tagesspiegel.de/berlin/studie-zu-berliner-brutalismus-bau-der-mausebunker-hat-marken-potenzial-10077154.html?utm_medium=website&utm_source=archdaily.com (дата обращения: 15.02.2024)

5. Wilson R., Green N. Brutalist Paris. London: Blue Crow Media. 2023. – 236 p.
6. FUEL, Murray D., Sorrell S., Conte R. Brutalist Italy: Concrete Architecture from the Alps to the Mediterranean Sea. London: FUEL Publishing. 2023. – 199 p.
7. Hyon-Sob Kim (Author), Yongjoon Choi (Photographer), Lamberton D. (Series Editor). Concrete Seoul Map. London: Blue Crow Media. 2019. – 1 p.
8. Veryovkin A. Concrete Siberia: Soviet Landscapes of the Far North. Poznań: Zupagrafika. 2020. – 160 p.
9. Вознесенский, А.: Ностальгия по настоящему. Хронометраж эпохи. – Москва : АСТ, 2023. – 368 с.

References

- Albert, H. P. (2023, June 30, 15:48). Studie zu Berliner Brutalismus-Bau: Der „Mäusebunker“ hat Marken-Potenzial. *Der Tagesspiegel*. Retrieved February 15, 2024, from https://www.tagesspiegel.de/berlin/studie-zu-berliner-brutalismus-bau-der-mausebunker-hat-marken-potenzial-10077154.html?utm_medium=website&utm_source=archdaily.com
- Banham, R. (1966). *The New Brutalism: Ethic or Aesthetic?* New York: Reinhold: NY.
- FUEL, Murray, D., Sorrell, S., & Conte, R. (2023) *Brutalist Italy: Concrete Architecture from the Alps to the Mediterranean Sea*. London: FUEL Publishing.
- Hyon-Sob Kim (Author), Yongjoon Choi (Photographer), & Lamberton, D. (Series Ed.). (2019). *Concrete Seoul Map*. London: Blue Crow Media.
- Lidin, K. (2020). School as narrative. *Project Baikal*, 17(64), 105–108. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.64.1643>
- Veryovkin, A. (2020). *Concrete Siberia: Soviet Landscapes of the Far North*. Poznań: Zupagrafika.
- Voznesensky, A. (1977). Nostalgia po nastojashchemu [Nostalgia for the present]. In A. Krakovskaya & Yu. Rozenblyum (Eds.), *Soviet poetry in 2 vols.*, (pp. 64-66). Moscow: Biblioteka vseмирnoј literatury: Seriya tretya.
- Voznesensky, A. (2023). *Nostalgia po nastojashchemu. Hronometrazh epochy* [Nostalgia for the present. Timing of the epoch]. Moscow: AST.
- Wilson, R., & Green, N. (2023). *Brutalist Paris*. London: Blue Crow Media.